Переводы

Янник Барт, Дамьен де Блик, Жан-Филипп Эртан, Эрик Ланьо, Сириль Лемье, Доминик Линар, Седрик Моро де Белланг, Картин Реми, Данни Тром

Прагматическая социология: инструкция по применению

doi: 10.22394/2074-0492-2019-2-176-216

Предисловие к русскому переводу

За последнее десятилетие на русский язык был переведен целый ряд работ ключевых представителей французской прагматической социологии. В переводе вышло несколько книг Бру-

Янник Барт — директор по исследованиям в Национальном центре научных исследований. E-mail: yannick.barthe@ehess.fr; Дамьен де Блик — доцент в университете Париж-8. E-mail: damien.de-blic@univ-paris8.fr; Жан-Филипп Эртан — профессор в Страсбургском университете. E-mail: jpheurtin@misha.fr; Эрик Ланьо — PhD по социологии. E-mail: eric.lagneau@yahoo.fr; Сириль Лемье — директор по исследованиям в Высшей школе социальных наук (EHESS). E-mail: cyril.lemieux@ehess.fr; Доминик Линар — научный сотрудник в Национальном центре научных исследований (CNRS). E-mail: dominique.linhardt@ehess.fr; Седрик Моро де Белланг — доцент в Высшей нормальной школе (ENS). E-mail: cedric.moreau.de.bellaing@ens.fr; Картин Реми — научная сотрудница в Национальном центре научных исследований (CNRS). E-mail: catherine.remy@ehess.fr; Данни Тром — научный сотрудник в Национальном центре научных исследований (CNRS). E-mail: danny.trom@ehess.fr

Yannick Barthe — Research director at CNRS. E-mail: yannick.barthe@ehess.fr; Damien de Blic — Assistant professor at Paris 8 University. E-mail: damien.de-blic@univ-paris8.fr; Jean-Philippe Heurtin — Professor at the University of Strasbourg. E-mail: jpheurtin@misha.fr; Eric Lagneau — PhD in sociology. E-mail: eric.lagneau@yahoo.fr; Dominique Linhardt — Research assistant at CNRS. E-mail: dominique.linhardt@ehess.fr; Cédric Moreau de Bellaing — Assistant professor at ENS. E-mail: cedric.moreau.de.bellaing@ens.fr; Cyril Lemieux — Director of studies at EHESS. E-mail: cyril.lemieux@ehess.fr; Catherine Rémy — Research assistant at CNRS. E-mail: catherine.remy@ehess.fr; Danny Trom — Research assistant at CNRS. E-mail: danny.trom@ehess.fr

Перевод с французского выполнен Александром Луценко по оригинальному изданию Barthe, Y., de Blic, D., Heurtin, J., Lagneau, É., Lemieux, C., Linhardt, D, Trom, D. (2013). Sociologie pragmatique: mode d'emploi. Politix, 103(3), 175-204. doi:10.3917/pox.103.0173. Печатается с разрешения авторов.

но Латура [Латур 2006; 2013; 2014; 2015], а также крупные работы Люка Болтански в соавторстве с Эв Кьяпелло [Болтански, Кьяпелло 2011] и Лораном Тевено [Болтански, Тевено 2013]. Однако, несмотря на большой интерес к этим авторам, в России их подходы не всегда относят к единому социологическому проекту. Нередко их воспринимают как изолированные и несвязанные попытки пересмотра доминирующих теорий в соответствующих областях социологии. Тем не менее и исследования по антропологии науки и техники Латура и Каллона, и работы в области социологии режимов вовлеченности, разработанной Болтански и Тевено, являются частью одного социологического направления, которое развивается во Франции с 1980-х годов и получило название «прагматическая социология». За тридцать лет своего существования прагматическая социология произвела на свет множество эмпирических исследований, затрагивающих целый ряд областей социальной жизни[1].

В статье показано, что роднит эти, казалось бы, разнородные исследовательские подходы. Отвечая на десять вопросов — о противопоставлении макро- и микроуровней, об историчности социальных явлений, о понятии интереса, об отношении к дискурсу акторов, о процессе рефлексивности, о социализации акторов, об отношениях власти, о социальных неравенствах, о релятивизме и о критике, — авторы статьи попытаются обрисовать «прагматический стиль», который отличает исследования в рамках прагматической социологии.

Авторы считают важным подчеркнуть, что, согласно подходу прагматической социологии, поведение и суждения акторов невозможно понять без обращения к конкретным ситуациям, в которых эти акторы взаимодействуют. Именно поэтому для этой социологии полевое исследование имеет первостепенное значение. Другой важ-

1 В последние годы все больше исследователей из Франции и России пытаются применять подходы прагматической социологии к изучению России. На французском языке см. монографию Анны Колян Лебедев о комитете солдатских матерей [Colin Lebedev 2013], статьи Ольги Ковеневой о построении коллективов вокруг экологической проблематики [Koveneva 2011], Лорана Тевено о студенческих общежитиях [Thévenot 2017] и о практиках гостеприимства [Thévenot, Kareva 2018]. На русском языке см. монографии Бориса Гладарева о борьбе за сохранение культурно-исторического наследия Санкт-Петербурга [Гладарев 2011] и Ольги Бычковой, Бориса Гладарева, Олега Хархордина и Жанны Цинман о технопредпринимателях [Бычкова и др. 2019]. Прагматическая социология также оказала влияние на некоторых историков, изучающих Россию. См. статьи Ларисы Захаровой об истории технологий коммуникации в СССР [Zakharova 2016] и Грегори Дюфо об истории советской психиатрии [Dufaud 2014].

ной особенностью прагматической социологии является интерес к напряженностям и конфликтам, возникающим в повседневной жизни акторов и ведущим для них к денатурализации социального порядка. Подход прагматической социологии предлагает динамичную концепцию социальной жизни, в которой важное место отведено материальному измерению человеческих отношений. Двойной интерес к конкретным ситуациям и конфликтности выражается в центральном для прагматической социологии концепте «испытания» (откуда второе название прагматической социологии «социология испытания»).

Оригинал этой статьи опубликован в 2013 году во французском журнале «Politix». Статья написана коллективом французских социологов, которые отождествляют себя с прагматической социологией и стремятся разъяснить ее подходы и задачи[1]. Мы надеемся, что перевод этой статьи на русский язык позволит российским исследователям лучше понять преимущества и недостатки этой социологии.

* * *

В середине 1980-х годов во Франции в контексте доминирования критической социологии П. Бурдье и методологического индивидуализма Р. Будона появилось новое направление в социологии. Оно получило название «прагматическая социология». Историкам дисциплины еще предстоит выяснить, как это обозначение возникло, кто себя к нему относил, и как ему удалось объединить целую группу разнородных, но в то же время в чем-то близких подходов. Прагматическая социология черпала вдохновение из разных источников: интеракционизм, этнометодология, теория ситуативного действия, а позже и американская философская традиция, именуемая прагматизмом[2]. В нашу задачу не входит толкование понятия

1 Уже после публикации этой статьи один из ее авторов написал книгу-введение в прагматическую социологию, см. [Lemieux 2018].

2 Заимствованное нами определение «прагматическая» не означает, что социология, о которой идет речь, является прямой последовательницей представителей философской школы прагматизма, таких как Чарльз С. Пирс, Джон Дьюи, Уильям Джеймс или Джордж Г. Мид. Во-первых, эта социология стремится предложить именно социологический, а не философский подход к изучению социального и физического мира: это подразумевает, в частности, что эмпирическое исследование, проводимое в соответствии с испытанными методами социальных наук, играет здесь центральную и незаменимую роль. Во-вторых, при том, что влияние прагматизма на нее бесспорно (в первую очередь посредством интеракционистской и гофмановской социологических традиций, а также посредством этнометодоло-

«прагматическая социология». Мы также не будем пытаться заявить эксклюзивные права на его использование. Вместо этого мы постараемся очертить контуры социологической практики, которую именуют «прагматическая социология» или «социология испытаний»[1].

В основе прагматической социологии лежат два подхода: антропология науки и техники Мишеля Каллона и Бруно Латура, а таже социология режимов действия Люка Болтански и Лорана Тевено. За тридцать лет в рамках этих подходов проведено множество эмпирических исследований, затрагивающих целый ряд областей социальной жизни: от промышленных предприятий до религиозных сообществ, от учебных заведений до мира искусств, от научных контроверз до политико-финансовых скандалов, от политических организаций до благотворительных движений, от вселенной СМИ до трансформаций мира медицины, включая мобилизации, связанные с экологическими и санитарными рисками, трансформации в области управления, политические и социальные эффекты статистических измерений, функционирование финансовых рынков или практик поддержания общественного порядка и слежки. Классические социологические объекты были представлены в новом свете, а феномены, которые ранее были неизвестны или не считались легитимным предметом изучения, такие как практики музыкантов-любителей, участие не-человеков в социальной деятельности или некоторые популярные верования, считавшиеся иррациональными (как, например, вера в явление Богородицы или в НЛО), стали восприниматься всерьез как самодостаточные объекты социологического исследования.

В ходе этих работ вырабатывались, обсуждались и пересматривались новые методологические установки. В соответствии с отстаиваемыми ими теоретическими постулатами социологи-прагматики разработали новые способы проведения полевых исследований, сбора данных, изучения частных случаев, использования контроверз и тяжб для понимания социального порядка и проблем, связанных с его воспроизводством. Этот набор приемов во многом схож с методами и практиками, используемыми всем сообществом исследователей в области социальных наук. Но есть и отличия. Авто-

---

гии), источники вдохновения довольно разнообразны: социологи-прагматики в значительной мере опираются на дюркгеймианство, веберианство, феноменологию и *science studies*.

1 Ввиду исключительной важности понятия «испытания» для этого подхода. См., например: [Латур 2015; Болтански, Тевено 2013; Болтански, Кьяпелло 2011]. Попытка обобщения опыта применения этого понятия представлена в [Lemieux 2011].

ры настоящей статьи относят себя к прагматической социологии и стараются применять и развивать ее методы. В этом тексте они ставят перед собой задачу объяснить, что требуется, прежде всего в техническом смысле этого слова, для того, чтобы практиковать прагматическую социологию. Они попытаются охарактеризовать прагматический стиль в социологии и уточнить его методологические требования и практические следствия для проведения исследования[1].

Понятие стиля упомянуто неслучайно. Разумеется, речь идет о стиле исследования, рассуждения и представления результатов, иными словами, о стиле социологической практики. Понятие стиля подразумевает близость, но ни в коем случае не единообразие подходов. Даже если стиль может быть охарактеризован некоторым набором четко идентифицируемых отличительных особенностей, он тем не менее допускает некоторую вариативность, возможность альтернативных точек зрения и даже конфликтов. Наша цель состоит в том, чтобы путем ответов на десять вопросов сформулировать требования, которые позволят проводить социологические исследования в прагматическом стиле. Наш подход, таким образом, будет умышленно ретроспективным. Его цель — подвести итоги пройденного пути и высветить некоторые общие основания исследований в рамках прагматической социологии, основания, которые авторы данной статьи считают не жестко закрепленными, а, наоборот, открытыми для обсуждения и пересмотра.

Как прагматическая социология связывает «микро-» и «макро-» уровни

Отношение прагматической социологии к макросоциологическим явлениям может быть обобщено в одном предложении: она никогда не отделяет их от операций и процессов, благодаря которым эти явления становятся описываемыми. Такая перспектива предполагает, что социолог сосредотачивает свой интерес на местах и видах деятельности, в которых и посредством которых совокупности объединяются, тотальности собираются, коллективы утверждаются, а структуры становятся осязаемыми. Можно сказать, прагматическая социология старается всегда оставаться на уровне конкретных ситуаций и, следовательно, на микроуровне. Но только при условии, что микроуровень мыслится не как противоположность макроуровню, а как план, где макроуровень осуществляется, реализуется

1 Другие вводные тексты по прагматической социологии: [Bréviglieri, Stavo-Debauge 1999; Cantelli, Genard 2008; Dodier 2005; Nachi 2006; Lemieux 2011].

и объективируется от ситуации к ситуации, посредством практик, диспозитивов (*dispositifs*) и институтов, без которых он хотя и мог бы считаться существующим, но не мог бы становиться наблюдаемым и описываемым.

В начале 1980-х годов такой подход был воплощен в исследованиях, посвященных социопрофессиональным категориям[1]. За интересом к процессу конституирования статистических агрегатов в этих работах скрывалась попытка понять конкретные способы структурации социального пространства. Их отличала четкая методологическая установка: постановка под сомнение разграничения между процессами объективации, с одной стороны, и объективированной структурой, с другой, с целью анализа одновременно происходящих процессов стабилизации и развития статистических форм и практик. Этот подход перенесен социологами-прагматиками на анализ различных форм агрегирования, увеличения и тотализации, посредством которых коллективные реальности конституируются как таковые, а некоторые сущности, напротив, низводятся до категории малых, невидимых или исключительных [Boltanski 1982; Thévenot 1986]. Пытаясь понять способы социального производства процедур и инструментов, позволяющих акторам оценивать размер социальных феноменов, проводить причинные связи и создавать коллективные сущности, эти работы систематически связывали наблюдение в ситуации с рассуждениями о макросоциальных конфигурациях (в масштабе города или нации, например) и наоборот [Hermant, Latour 1998; Didier 2009].

Таким образом, неверно полагать, что прагматическая социология фокусируется исключительно на ситуациях взаимодействия лицом-к-лицу. Накопленные за тридцать лет исследования свидетельствуют об устойчивом интересе к крупным сущностям — будь то типы экономической организации (капитализм, рынки, предприятия [Callon 1998; Callon 2007; Болтански, Кьяпелло 2011]), политические институты (государство, его администрация [Linhardt 2009; Linhardt, Muniesa 2011; Lemoine 2011; Moreau de Bellaing 2012; Cantelli, Pattaroni, Roca, Stavo-Debauge 2009; Normand 2009]), социально-профессиональные группы (управленцы, врачи, учителя, журналисты [Boltanski 1982; Dodier 2007; Normand 2011; Lemieux 2010]) или общественные проблемы [Charvolin 2003; Barthe 2006; Cefaï, Terzi 2012]. Прагматическая социология не отказывается также и от компаративного подхода, сравнивая национальные общества [Lamont, Thévenot 2000; Koveneva 2011; Debourdeau 2011],

1 Обзор этого направления исследований см. в [Desrosières 2002].

или занимаясь «комбинаторной этнографией», то есть изучением определенных типов социальных операций (заниматься наукой, оценивать, лечить, убивать и т.д.) в разных контекстах [Dodier, Baszanger 1997; Rémy 2009]. Таким образом, способ, при помощи которого прагматическая социология «приручает великого Левиафана», не ведет к релятивизации — не говоря уже об отрицании — существования социологических реальностей, которые выходят за рамки наблюдаемых здесь и сейчас ситуаций [Callon, Latour 2006]. В противном случае эта социология отказалась бы от того, что является основой любого социологического подхода: рассматривать общество как тотальное явление и воспринимать его таковым[1].

Оригинальность прагматической социологии заключается в том, что она дистанцируется от подходов, исходящих из того, что ситуации определяются структурами, выявление которых под силу лишь социологу. Отказ социологии испытаний от подобного рода структуралистского анализа не означает отсутствие интереса к структурным явлениям и, тем более, неспособность принимать во внимание макросоциологические феномены. Одной из основных заслуг социологии испытаний является предложение *альтернативной концепции* сочленения между ситуативными и структурными реальностями и, следовательно, между «микро-» и «макро-» уровнями.

Как можно охарактеризовать этот альтернативный подход? Он основан на принципе, согласно которому макросоциологические реальности должны изучаться в процессе их осуществления. «Макроуровень» тогда предстает в качестве результата *достижений* (*performances*), доступных эмпирическому наблюдению. Такая позиция распространяется и на сами социологические рассуждения, которые в таком случае не могут претендовать на какое бы то ни было привилегированное положение: социальные науки следует рассматривать как способствующие процессам, посредством которых общества постигают и схватывают сами себя [Латур 2014]. За этим утверждением не следует видеть призыв отказаться от попыток объективации агрегированных реальностей. Скорее, оно призывает воспринимать объективное знание, которое производят или используют социальные науки, как результат практического осуществления (accomplissement pratique), что позволяет порвать с некоторыми наивными формами объективизма.

1 Об этой технической задаче социологии см. [Kaufmann, Trom 2010].

Как прагматическая социология принимает во внимание историческую перспективу явлений

Прагматическая социология пытается изучать явления в их конкретной наблюдаемости. Вот почему ситуация — настоящее разворачивающегося действия — составляет основной предмет ее исследований. В данном случае не важно, являются ли изучаемые ситуации недавними или они принадлежат далекому прошлому. Задача, поставленная перед социологией испытаний, не ограничивается изучением настоящего. Скорее, она состоит в изучении каждого действия, текущего или прошедшего, в его настоящем. В этом ее подход напоминает подход историков, которые занимаются восстановлением действий в прошлом в соответствии с горизонтом ожиданий их авторов[1]. Вместе с этими историками она стремится не проецировать на прошлые события известные сегодня знания об их последствиях, а принимать во внимание относительную недетерминированность, которая присутствовала в действиях в прошлом, которую это действие стерло самим фактом своего осуществления[2]. Такой презентизм заслуживает того, чтобы назвать его методологическим. Он не призывает отдавать предпочтение анализу явлений настоящего, а требует лишь того, чтобы явления прошлого изучались при помощи той же методологии, которая применяется при изучении явлений настоящего, то есть принимая во внимание их относительную недетерминированность и внутреннюю динамику.

Такой подход отнюдь не вынуждает социологов испытаний игнорировать в своих исследованиях существование более широких временных перспектив, выходящих за пределы «здесь и сейчас» действий в ситуациях. В этом отношении в прагматической социологии можно выделить два разных подхода, которые, впрочем, не являются взаимоисключающими. Первый настаивает на строгом презентизме. Он придерживается вдохновленного этнометодологией запрета, согласно ему, исследователь не должен обращать внимание на элементы, внешние по отношению к порядку, который порождает осуществление действий. Согласно этой перспективе, историческое прошлое может быть включено в исследование только в том случае, если сами участники ситуации прямо к нему обращаются. Исследователю при этом необходимо понять, в каких случаях, в соответствии с какими практическими процедурами

1 Обсуждение этого сравнения см.: [Cerrutti 1991; Boureau 1991; Lepetit 1995; Van Damme 2008; Offenstadt, Van Damme 2009].

2 О важности подобного подхода см.: [Callon, Latour 1990; Латур 2015].

и посредством каких видов материальных и организационных опор для действия (*appuis d'action*) акторы ссылаются на прошлое, переосмысливают его и создают его фактичность[1]. Этот подход не оригинален, несмотря на некоторые очевидные различия, он напоминает чрезвычайно популярные сегодня у историков исследования социального и политического использования прошлого [Hartog, Revel, 2001; Hartog, 2002][2]. Он позволяет ввести в изучение исторических феноменов аналитическую рефлексивность, которая обязывает исследователя не только признавать у современников наличие способностей историзировать свое настоящее, но и уточнять, до какой степени эти общественно-разделяемые способности отличаются от его собственных, и каким образом и те, и другие участвуют в конфликтном процессе объективации прошлого.

Второй способ включения в прагматические социологические исследования временной перспективы, выходящей за рамки ситуационных «здесь и сейчас», может быть обозначен как генеалогический. Он состоит в изучении прошлого общества, группы или организационного диспозитива с тем, чтобы показать, во-первых, что современные акторы сталкиваются в своих действиях и суждениях с ограничениями, которые достались им по наследству из прошлого, и, во-вторых, что ресурсы, которыми они располагают сегодня, также оставлены им их предшественниками (уже придуманные способы действия, уже сформулированные оправдания и т.д.). Это касается и паломников, ожидающих явления Богородицы, и активистов борьбы со СПИДом, гневно обращающихся к властям, и народных избранников, диспутирующих в Национальной ассамблее, и рабочих скотобоен, сражающихся с животными, и бригадиров, борющихся за статус руководителей в своих компаниях, и журналистов, пытающихся проверить информацию, попавшую к ним в руки.

Во всех этих случаях наблюдение за практиками акторов должно принимать во внимание то, каким образом эти коллективные формы жизни и профессиональные миры были структурированы исторически [Claverie, 2003; Dodier, 2003; Heurtin, 1999; Rémy, 2009; Boltanski, 1982; Lemieux, 2000]. Исследователь может попытаться

1 См. выпуск журнала «Politix» под редакцией [Heurtin, Trom 1997].

2 Различие между подходом, принятым в этих работах, и прагматической социологией состоит в том, что последняя не считает прошлое осуществившимся раз и навсегда и готовым к использованию. Напротив, она представляет его в процессе постоянного осуществления, так что каждое новое использование неизбежно приводит к его частичному переопределению и реконфигурации.

изучить процесс исторического конституирования некоторых схем размышления и коллективных форм действия, ставших для современников обыденными и социально обязательными, таких, к примеру, как публичное предъявления обвинений [Boltanski, Claverie, Offenstadt, Van Damme, 2007][1], коллективная реакция на сцены страдания [Boltanski 1993] или красоту пейзажа [Trom 1997]. Именно в свете этих генеалогических исследований могут быть объяснены и в некоторой степени предсказаны, например, отсутствие коллективной реакции на разоблачение определенных видов компрометирующих фактов [De Blic 2000], отсутствие эмоциональной реакции при виде определенных форм страдания или от созерцания пейзажей [Boltanski, Godet 1995; Cardon, Heurtin, Martin, Pharabod, Rozier 1999; Trom, Zimmerman 2001]. В других случаях изучение ситуаций в настоящем может подтолкнуть исследователя к восстановлению конфликтной динамики, которая привела к их возникновению, как, например, в случае изучения феномена исчерпания критики капитализма во Франции в последние десятилетия XX века или процесса политизации проблемы захоронения ядерных отходов, рассматриваемой ранее в качестве исключительно технической [Болтански, Кьяпелло 2011; Barthe 2006].

Здесь прагматическая социология оказывается близка к традиционной исторической социологии в том смысле, что, подобно последней, она стремится воссоздать историческую динамику формирования ситуаций настоящего. Отличает социологию испытаний то, что она пытается понять не только то, как «мертвое хватает живое», но также (и даже прежде всего) то, как живое овладевает мертвым. Таким образом она выражает аналитическое предпочтение настоящему действия и воссоздает его относительную недетерминированность. Основная задача исторического исследования в этом отношении состоит не в восстановлении линии исторической преемственности, а в лучшем понимании ситуаций настоящего, в частности, принимая во внимание, что наследие прошлого воспринимается и присваивается разными акторами по-разному — что также требует объяснения. Такой подход призывает исследователя переходить к прошлому, отталкиваясь от наблюдения настоящего, а не наоборот[2]. Но он призывает также во вторую очередь с новыми вопросами и свежим взглядом воз-

1 См. также номер журнала Politix «À l'épreuve du scandale» [De Blic, Lemieux 2005].

2 Этот подход близок объяснительной модели, которую Филипп Дескола называет «регрессивной историей» и которую он противопоставляет идее «мифического происхождения» [Descola 1994].

вращаться из прошлого в настоящее к наблюдению за текущими ситуациями [Trom 2003].

Таким образом, в прагматических социологических исследованиях историческое прошлое может играть разную роль. В некоторых работах это прошлое имеет право на жизнь только в том случае, если сами акторы обращаются к нему в явном виде, прославляя его или борясь с ним. В этом случае исследование обращается к анализу того, как наши общества создают свою историю и историзируют свое настоящее. Само исследование становится одной из составляющих этого процесса. В других работах исследователь пытается воссоздать историческое прошлое изучаемых им ситуаций посредством генеалогического (т.е. «регрессивного») подхода. Целью исследования становится тогда не только объяснение ограничений, влияющих на ситуации в настоящем, или происхождения ресурсов, которые находятся в распоряжении у акторов в текущий момент, но и понимание того, почему некоторые формы наследия прошлого так и остались неактивированными, что позволяет иначе взглянуть на эти ситуации в настоящем.

В этом выражается одно из проявлений внутренней целостности и последовательности прагматического подхода, главенствует методологический презентизм. Это выражается, в частности, в утверждении, что действие не может механически выводиться из прошлого, поскольку оно всегда вносит в последнее некоторый элемент недетерминированности. Такую позицию следует понимать не как отказ от исторической перспективы или отказ от генеалогического исследования, а как иной способ их понимать.

Как прагматическая социология переосмысливает вопрос интересов

Социология испытаний не ставит перед собой задачу разоблачения частных интересов (intêret), скрывающихся за общими аргументами. Она не стремится обнаружить расчет за внешне универсалистскими, альтруистическими или бескорыстными утверждениями определенных акторов. Значит ли это, что вопрос интересов ей чужд? Отнюдь нет, ведь процесс формирования интересов находится в центре многих исследований, относящихся к этому направлению. Но их отличает то, что интересы рассматриваются в них не как объяснительный фактор действия или дискурса, а как их продукт. Из удобного и неисчерпаемого ресурса для объяснения поведений акторов интересы превращаются в самостоятельный предмет исследования, направленного на изучение того, каким образом интересы определяются, стабилизируются и трансформируются в ходе контроверз, полемик и иных видов

испытаний, которые исследователю надлежит изучить [Каллон 2015; Bidet 2008].

Вот почему социология испытаний так часто обращает внимание на то, каким образом прием разоблачения «истинных» интересов используется в публичной полемике [Boltanski 1984]. Акторы сами часто приписывают интересы своим оппонентам, используя операцию изобличения: «то, что представляется как справедливая война, оправданная гуманитарными целями, *на самом деле* мотивируется интересами государства в нефтяной отрасли»; «за вашей вовлеченностью как художника в проблемы Косово на самом деле прячутся ваши профессиональные амбиции и ваше желание быть признанным коллегами» и т.д. Таким образом, выявление скрытых интересов представляет собой обычный прием публичного изобличения, условия эффективности которого требуют изучения, в частности, путем соотнесения их с общественно-разделяемыми нормативными конструкциями, историю которых можно проследить[1]. Разоблачение скрытых интересов, таким образом, может пониматься как одна из наиболее важных форм дисквалификации оппонента в публичных схватках[2].

Прием изобличения тем не менее является лишь одним из способов, посредством которых акторы могут производить и делать видимыми интересы. Обращение к интересам может происходить не только в контексте обвинения, но и в контексте отстаивания, для построения альянсов, изменения позиций или вовлечения новых акторов в защиту некоторой идеи путем убеждения, что на кону на самом деле стоят и их интересы [Callon, Law 1982]. В этих ситуациях определение и переопределение интересов являются операциями, позволяющими акторам самоопределяться, сближаясь или, наоборот, создавая дистанцию.

В этом отношении следует иметь в виду, что отсылка к интересам является лишь одним из способов дистанцирования и сближения среди множества других. Поэтому прагматические социологи отказываются сводить все социальные действия к стратегическому поведению, связанному с преследованием индивидуальных или коллективных интересов [Corcuff, Sanier 2000]. Эти авторы пытаются различать разные режимы вовлеченности, в которых акторы по-разному квалифицируют друг друга и соотносятся друг с другом [Thévenot 2006]. Действительно, в некоторых из этих режимов деятельность акторов заключается в утверждении или явном форму-

1 См. предыдущий раздел.

2 Факт, который социология рискует упустить из виду, когда сама прибегает к подобного рода критическим операциям. Об этом см. [Trom 1999].

лировании своих и чужих интересов, зачастую в контексте ориентации на эффективность. В других режимах деятельность акторов заключается скорее в выявлении приписываемых другим интересов и демонстрации их несовместимости с идеей общего блага или с некоторыми обязательствами беспристрастности и справедливости. Наконец, в еще одной группе режимов в ходе действия интерес не проявляется в явной форме, делая, таким образом, проблематичным само применение данной категории. Подобная перспектива, предложенная в рамках социологии режимов вовлеченности, призывает наблюдать за тем, каким образом индивиды коллективно производят свои интересы, что требует принятия в расчет тех ситуаций социальной жизни, в которых эти интересы *еще не* конституированы. Такой подход в некотором отношении близок к другим направлениям прагматической социологии, например, к антропологии науки и техники в том, где она предлагает принимать во внимание наличие или отсутствие «диспозитивов заинтересовывания» при изучении конституирования интересов. Успех технической инновации, например, может быть проанализирован в контексте того, способствует ли она самоидентификации и самопризнанию социальных групп, провоцируя среди их членов появление новых интересов [Akrich, Callon, Latour 1988].

Как прагматическая социология относится к дискурсу акторов

Одной из важных особенностей социологии испытаний является стремление «принимать всерьез» оправдания и критику, формулируемые акторами. Каким образом они принимаются всерьез? С одной стороны, путем изучения их практических оснований; с другой стороны, путем анализа их социальных последствий. Поговорим сначала о практических основаниях операций критики и оправдания. Здесь стоит задача понять, каким образом критика и оправдания порождаются определенным типом социальной практики в результате столкновения акторов с определенным типом практических противоречий. Это объясняет, почему принятие всерьез оправданий и критических замечаний приводит социологов-прагматиков к необходимости исследовать практики, а если точнее, к необходимости восстанавливать *противоречивую логику* практики, которая является источником критической активности акторов[1].

1 Об этом на примере разных объектов см. [Chateauraynaud 1991; Doidy 2005; Lagneau 2009].

Теперь обратимся к социальным последствиям операций критики и оправдания. Здесь стоит задача проанализировать степень эффективности или неэффективности операций критики и оправдания в социальных мирах, где действуют акторы. Аргументы, которыми обмениваются акторы, сформулированные оправдания и высказанная критика не способны, конечно, сами по себе изменить состояние социальных отношений. Однако *действия* по аргументации, оправданию и критике обладают такой способностью, сколь бы незначительным ни было ее проявление (например, заставить публично оправдываться власть предержащих значит изменить, пусть и незначительно, социальные и политические отношения, существовавшие на тот момент). Принимая всерьез оправдания и критики акторов, социологи-прагматики изучают влияние критики на изменение коллективов, трансформацию социотехнических диспозитивов и реформы институтов [Chiapello 1998; Болтански, Кьяпелло 2011; De Blic 2005; Fillion 2009].

Призывая к систематическому анализу практических оснований и социальных последствий операций критики и оправдания, социология испытаний предлагает совершенно иной тип эпистемологического разрыва в отношении дискурса акторов, чем тот, на котором настаивает социология критики господства. Прагматическая социология не ставит перед собой задачу разоблачения скрытых стратегий и частных интересов под маской общих аргументов. Дело в том, что эту задачу часто выполняют сами акторы — в этом мог убедиться любой, кто изучал контроверзы или тяжбы. Социологу-прагматику поэтому следует сосредоточиться на изучении того, как именно акторы это делают, какие доказательства и материальные опоры они используют, каковы их шансы на успех. При этом социолог располагается не на уровне, на котором сами акторы стремятся объяснять свои взаимные действия и судить о них. Он производит по сравнению с ними дополнительное рефлексивное усилие, не только потому что он стремится (чаще всего в отличие от них) охватить всю совокупность точек зрения, вовлеченных в борьбу (и обращается с ними в соответствии с принципом симметрии), но также и потому, что он ставит перед собой задачу изучить практические основания операций критики и оправдания и/или их социальные последствия. Для этого ему необходимо идентифицировать элементы, которые не отображаются спонтанно в сознании акторов (и исследователя). Речь идет о конкретном типе практических противоречий, который является причиной критического процесса, или о конкретном типе социального или институционального механизма, который ограничивает возможность и социальные последствия критики [Stavo-Debauge 2011].

«Принимать всерьез» работу, проводимую акторами для обоснования своих практик и оправдания своего поведения, не означает, что достаточно просто фиксировать точку зрения акторов или переводить их слова на научный язык. И уж тем более это не означает, что с точки зрения социолога-прагматика акторы всегда правы по поводу того, что они говорят. Однако важно понимать, что у них есть *определенные* причины говорить то, что они говорят; эти причины связаны с реальными противоречиями в их практике [Callon, Rabeharisoa 1999]. Аналогичным образом не стоит считать, что то, что говорят акторы, адекватно описывает то, что они делают. То, что они говорят, следует воспринимать в качестве важной части описания того, что они делают. Дискурсивные практики акторов также наделены определенной формой эффективности, несмотря на то что она может варьироваться в зависимости от индивида и ситуации.

Как прагматическая социология отдает должное рефлексивности акторов

Социология испытаний отказывается от противопоставления практической и рефлексивной деятельности акторов. Она исходит из позиции, согласно которой при анализе действия невозможно выделить план, при котором рефлексивные размышления актора о его собственных действиях и о действиях других отсутствовали бы полностью. Этот отказ отделить анализ практик от анализа сопутствующих им форм рефлексивности вытекает из следующего утверждения: действие, каким бы оно ни было, никогда не бывает лишено причин. Эти причины становятся описываемыми при анализе хода действия и обладают ввиду этого некоторой формой материальности и наблюдаемости[1]. Социологическое описание взаимодействия, если оно стремится сделать это взаимодействие понимаемым, должно принимать во внимание эти причины. Остановимся на этой идее подробнее.

Социологи-прагматики не утверждают, что акторы всегда в полной мере осознают причины своих действий и готовы при необходимости четко их сформулировать. Скорее, они считают, что рефлексивное отношение между актором и его действи-

1 В этом прагматический подход порывает с ментализмом. Причины действий акторов могут быть описаны исключительно посредством того, что делает их наблюдаемыми в ситуации посредством самого взаимодействия, использования акторами некоторых материальных опор для действия, их реакций на действия партнеров, их возможных словесных обменов [Dodier 1993; Lemieux 2000].

ем или действиями других должно рассматриваться *градационно*. В верхней части этой условной шкалы располагаются формы максимальной рефлексивности. Они характерны, например, для некоторых публичных ситуаций, в которых актор способен сформулировать оправдание своих действий так, что его можно предъявить третьей стороне. В первое время своего существования прагматическая социология склонялась к анализу именно таких ситуаций из-за изначального интереса к спорам, во время которых причины действий участников становятся объектом коллективного разъяснения, требующего высокого уровня отстранения (distanciation)[1].

Однако прагматическая социология не стремилась выводить общую модель действия из анализа форм действий в наиболее публичных обстоятельствах. Было бы заблуждением считать, что в любых ситуациях акторы действуют так, будто они подвержены строгим ограничениям публичности. Социология испытаний довольно скоро перешла к рассмотрению форматов действий, соответствующих менее публичным ситуациям. Эти действия подчиняются уже не правилам публичного оправдания или отстранения, а правилам, аналогичным тем, что обычно подразумевают понятия «практика» или «рутина»[2]. Ситуации, которые ими характеризуются, однако, не являются нерефлексивными, будто действия в этих ситуациях полностью лишены причин. Но рефлексивное отношение между актором и действием принимает в этом случае минимальную, труднопонимаемую для другого и часто невербальную форму, наблюдаемую иногда только посредством мелких деталей — колебаний, смены положения тела, быстрого взгляда и т.д., — которые указывают на разрегулировку действия, какой бы незначительной она ни была[3].

Социология испытаний отдает себе отчет в том, что во многих социальных ситуациях действия могут иметь низкую степень рефлексивности. Некоторые из исследователей даже попытались переосмыслить с прагматической точки зрения понятие бессознательного или, если точнее, развить идею о том, что любое действие, как и любое суждение, обязательно включает в себя бессознательную часть [Boltanski 2004; Rémy 2005; Lemieux 2009]. Но тем не менее эта социология не допускает мысли, что практика, какой бы она

1 Многочисленные примеры эмпирического анализа подобных «восхождений в общности» см. в [Boltanski, Thévenot 1989].

2 См., в частности, [Thévenot 1994; Thévenot 2006; Breviglieri 1999].

3 Наблюдение подобных динамических разрегулировок индивидуального или коллективного действия требует высокой точности описания. Об этом см. [Piette 1992; Rémy 2003; Datchary 2011].

ни была, может быть полностью лишена рефлексивности. Вследствие этого прагматическая социология дистанцируется от подходов, которые предлагают видеть практики акторов в качестве результата механической адаптации к другим и к окружающей среде, то есть в качестве отношения, из которого исключен любой вид рефлексивной медиации.

Такая концепция практики, которая загоняет действие в рамки одной лишь регулярности привычки, не позволяет понять динамику взаимодействия, предполагающую возможность повышения рефлексивности. Напротив, принятие во внимание причин, на которые опираются акторы в своих действиях, позволяет социологу преодолеть разрыв между категориями «практики» и «рефлексивности» и предложить вместо него гипотезу непрерывности. Согласно данной гипотезе, ситуации характеризуются различной степенью рефлексивной интенсивности [Breviglieri, Trom 2003; Breviglieri 2009][1]. Только принятие во внимание того, что даже наиболее «интуитивные» и наименее рефлексивные действия все еще (или, точнее, уже) имеют причины, позволяет проанализировать процессы повышения их рефлексивности, которые могут происходить при некоторых обстоятельствах (в том числе во время социологического интервью)[2]. С другой стороны, подобная перспектива сводит все формы рефлексивности, включая социологическую, к их практическим основаниям[3].

При таком подходе социология испытаний не рискует переоценить рефлексивность акторов и приписать им полное понимание того, что они делают и говорят. Эта социология старается не предвосхищать уровень рефлексивности акторов, напротив, она делает само определение этого уровня и его временных вариаций у одного и того же человека объектом своих исследований. Она не считает ни что акторы постоянно достигают максимального уровня своих коллективных рефлексивных способностей, ни что они остаются постоянно на самом низком уровне, ни тем более, что этот самый низкий уровень соответствует нулевой степени рефлексивности.

---

1 Теоретизация подобной гипотезы непрерывности представлена в [Lemieux 2009].

2 См. анализ предчувствий и практических суждений рекрутеров в компаниях, предложенный в [Eymard-Duvernay, Marchal 1996]; случай медицинских работников рассмотрен в [Dodier 1993]; журналистов — в [Lagneau 2010].

3 См. исследования Бруно Латура о производстве научной и юридической рефлексивности [Latour, Woolgar 1988; Latour 2007; Latour 2002].

Как прагматическая социология пересматривает вопрос социализации

Одним из основных новшеств в изучении социализации во Франции за последние 20 лет стало открытие множественности социального Я. Эта идея имеет долгую историю, она зарождается, в частности, в американском прагматизме начала XX века[1]. В 1990-х годах ее заимствовали Л. Болтански и Л. Тевено. Выступая против подхода, согласно которому социальные агенты должны восприниматься как внутренне целостные (systématiquement cohérents à eux-mêmes), их книга «Критика и обоснование справедливости» настаивала, наоборот, на том, что этих агентов следует воспринимать как испытывающих давление множества зачастую противоречивых сил [Болтански, Тевено 2013]. Такой подход заставляет по-новому взглянуть на понятия идентичности и социализации и отойти от акцента на идее целостности Я, которая характеризует интерпретацию понятия габитус, предложенную Пьером Бурдье (в гораздо большей степени, кстати, чем интерпретацию, предложенную Норбертом Элиасом). Согласно перспективе прагматической социологии, действующие индивиды, суждения о них со стороны их партнеров и в конечном итоге весь процесс построения Я должны изучаться, принимая во внимание внутренние напряженности и противоречия и то, что делает их наблюдаемыми (затруднения, сбои, неспособность действовать, моральные дилеммы, иногда проявления изобретательности) [Périlleux 2001; Barbot, Dodier 2009; Cefaï, Gardella 2011; Breviglieri, Cichelli 2007; Sourp 2010].

Такой плюралистский подход к пониманию Я заставляет по-новому взглянуть на процессы социализации. Здесь, вероятно, следует напомнить, что философская школа прагматизма также уделяла большое внимание разработке диспозиционалистских концептов, многие из которых, от «привычки» (Пирс, Дьюи) до «тенденции к действию» (Мид), занимают в ней центральное место [Bourdieu 1998; Chauviré, Ogien 2002]. Правда, следует признать: для того чтобы войти в орбиту прагматической социологии, эти концепты требуют особого обращения, которое, может быть, не очень близко французским социологам. Речь идет о том, чтобы отобрать у предрасположенности статус описательного концепта. Предрасположенность не описывает действие: она становится описываемой благодаря действиям. («У него габитус буржуа» не является описанием действия. На самом деле это действие актора делает его опи-

1 См., в частности, [Mead 2006 [1934]; обобщение этой традиции представлено в [Elster 1985].

сываемым как имеющего «габитус буржуа».) Таким образом, для начала нужно как можно лучше описать действие в ситуации, что позволит тем самым идентифицировать предрасположенности, которые в нем проявляются. Такая позиция в некотором смысле противоположна подходу, который предлагает выводить действия из предрасположенностей, приписываемых агенту. Согласно этой перспективе, исследователь, который признает (хотя бы потому, что регулярно вынужден его описывать) множественный и потенциально противоречивый характер действия, вынужден признать и все то, что из этого вытекает, а именно множественный и потенциально противоречивый характер предрасположенностей и, следовательно, всего того, что обычно называют «обучением» или «воспитанием». Для этого исследователя целостность Я акторов будет восприниматься уже не в качестве чего-то самого собой разумеющегося, а в качестве практической проблемы, которую акторы вынуждены постоянно решать[1].

Более того, отталкиваясь от описания действия в ситуации, можно точно определить практические механизмы, посредством которых происходит обучение. Подход, который состоит в выведении действий агентов из приписываемых им предрасположенностей, не задумывается об этой проблеме: для него оказывается достаточно таких формул, как «институт вложил в агента...» или «акторы усвоили...». Для прагматического подхода их оказывается недостаточно. Они ничего не говорят нам ни о практических ситуациях, в которых происходит обучение, ни, следовательно, о типах испытаний, которые происходят во время этого обучения. Мы ничего не узнаем о тех местах, объектах и средствах, посредством которых происходит социализация. Социология испытаний продемонстрировала важность внимательного наблюдения за телесной вовлеченностью акторов в материальные диспозитивы, которые они намереваются использовать или которыми они должны владеть. В этом отношении можно говорить о прагматической социологии тела или, если точнее, о социологии телесной вовлеченности [Bessy, Chateauraynaud 1995; Hennion 2010; Rémy 2009]. Исследователи, придерживающиеся этого подхода, наладили диалог с экологическими направлениями, работающими в терминах ситуативной когнитивной деятельности (cognition située)[2]. В частности, они стараются показать, что возможности (*affordance*) предоставляются или изымаются посредством

1 Это направление было открыто одним из основателей Группы политической и моральной социологии Мишелем Поллаком [Pollak 1990]. См. также [Lemieux 2007].

2 См., в частности, [Conein, Dodier, Thévenot 1993].

социотехнических диспозитивов, во взаимодействие с которыми акторам предлагается вовлекаться. Это оказывает прямое влияние как на их способности к обучению, так и на форму знания, которую они приобретают[1].

В результате эти авторы предложили новое понимание связи, которая соединяет, с одной стороны, проявления компетентности или виртуозности [Dodier 1995] в ситуации, и, с другой стороны, процессы интеграции и исключения (социальные, профессиональные, институциональные и т.д.). Результат этих процессов, далеко не всегда предрешенный заранее, зависит от исхода *серии испытаний*, который хоть и может быть частично предсказан, тем не менее всегда остается до некоторой степени неопределенным. В ходе этих испытаний достижения (performance) или, наоборот, провалы акторов становятся предметом суждений — коллег, руководителей, самих акторов — об их способностях или неспособностях, их нормальности или ненормальности.

Существование таких испытаний наряду с позитивными и негативными санкциями, к которым они приводят, вынуждает исследователя воспринимать принадлежность индивида к коллективу в качестве динамичного процесса и призывает к новому пониманию того, что в социальных науках называется «социализацией». В отличие от подходов, которые принимают статус актора за данность (на основе его прошлого статуса), прагматическая социология заставляет с методологической точки зрения постоянно возвращаться к вопросу, кем являются и кем станут индивиды в той или иной социальной ситуации, какой статус будет им присвоен. В этом отношении она отказывается заранее судить о том, «на что способны люди» [Boltanski 1990]. В состоянии ли этот ребенок ходить, работать или плавать? Именно потому что на этот вопрос нет точного ответа, психологам XVIII века (как, впрочем, и сегодняшним) так трудно договориться о том, что целесообразно и правильно требовать от ребенка и что с ним можно делать [Garnier 1995].

Подчеркнем еще раз: принцип, согласно которому не следует заранее судить о способностях актора, является строго методологическим. Его важно соблюдать не потому, что мы считаем, что социальные агенты располагают одним и тем же набором способностей. Это далеко не так. Суть состоит в том, что их способности (а, значит, и их предрасположенности, привычки, тенденции к действию,

1 Примеры из разных областей представлены в [Hennion 1988; Conein 1990; Winance 2010; Moreau de Bellaing 2009].

и т.д.) образуют динамичную и адаптивную систему, границы которой исследователь не должен предопределять заранее.

Несмотря на то что диспозиционалистские концепты не описывают действия, они помогают делать их частично предсказуемыми и объяснимыми. В этом состоит их основной интерес для социальных наук. Они позволяют соотносить наблюдаемое поведение актора с его прошлым поведением для того, чтобы показать, как тенденции или привычки, проявляемые актором в настоящий момент, могли быть сформированы в прошлом. Именно такая форма объяснительного использования диспозиционализма преобладает в прагматической социологии [см., например, Dodier 2003; Lemieux 2010]. Использование диспозиционалистских концептов для предсказывания действий позволяет по-новому взглянуть на проблему неравного распределения шансов на действие или на успех в прохождении испытания. Социология испытаний настаивает на важности описания действия в ситуации в силу того, что последнее, даже будучи частично предсказуемым, никогда не бывает предсказуемым полностью, поскольку оно не может быть выведено целиком только из одних предрасположенностей актора.

Как прагматическая социология смещает акцент в вопросе о власти

При изучении конфликтов или контроверз прагматический подход требует на время отбросить доступные социологу знания о первоначальном разделении на доминирующих и доминируемых и об итоговом соотношении сил, установившемся в результате столкновения. Один из лежащих в основе этой установки принципов заключается в следующем: *асимметрии* социального мира описываются лучше всего тогда, когда они изучаются исходя из позиций эпистемологии симметрии [Латур 2015]. Это не означает, что социологи-прагматики считают, что социальный мир по определению симметричен. Для того чтобы корректно описывать асимметрии, не следует судить о них заранее; напротив, следует всегда учитывать возможность опрокидывания этих отношений даже в ситуациях, когда такое развитие событий кажется наименее вероятным.

Полагая, что ситуации, в которых осуществляется доминирование, в большинстве случаев не являются абсолютно закрытыми, социология испытаний делает особый акцент на том, что каждый из двух полюсов отношений играет активную роль в их эволюции, пусть и с разной эффективностью. Никакая власть не может осуществляться в одностороннем порядке, поскольку ее осуществление необходимым образом предполагает действие

в ответ со стороны того, кто подчиняется или сопротивляется. Прагматических социологов объединяет следование методологическому принципу потенциальной обратимости отношений власти даже тогда, когда эти отношения кажутся наиболее устойчивыми и устоявшимися. Согласно им, сама природа даже самых успешных отношений такого рода подразумевает потенциальную возможность неудачи.

Такая позиция влечет за собой как минимум два методологических следствия. Во-первых, при анализе отношений зависимости, власти и господства никогда не следует упускать из виду относительную недетерминированность, которая является составной частью этих отношений. Во-вторых, не стоит забывать, что власть не существует вне испытаний, к которым она приводит, поэтому эти испытания, несомненно, должны описываться и анализироваться исследователем в первую очередь[1].

Эти методологические установки объясняют, почему прагматическая социология уделяет так много внимания критическим компетенциям акторов. Только так исследователь имеет возможность оценить реальное влияние диспозитивов власти: принимая во внимание возможность постановки под вопрос отношений господства, исследователь лучше понимает реальные границы допустимого в жестах, отношении (attitude) и словах. Напротив, верить заранее в непоколебимую силу доминирования — значит обессмысливать наблюдение за динамикой, посредством которой это доминирование встречает сопротивление или, наоборот, укрепляется. В этом отношении прагматическая социология призывает к точному и тонкому описанию, которое позволит отразить как малейшие критические поползновения, так и процессы, которые их блокируют.

Если прагматическая социология не готова удовлетвориться простым резюмированием ситуации «как она есть» посредством заранее предопределенного разделения на доминирующих и доминируемых, это не значит, что она отказывается признавать существование феноменов власти. Дело в том, что она пытается отыскать уровень описания этих явлений, на котором они могут рассматриваться и анализироваться как практические достижения. Вместо того чтобы пытаться объяснить наблюдаемые действия, используя черный ящик «отношений власти», эта социология сосредотачивает внимание на самих действиях, представляя их как то, что *производит* отношения власти [Chateauraynaud 1999;

1 См. [Linhardt 2004], а также выпуск журнала Quaderni под редакцией Доминика Линара и Томмазо Витале [Linhardt, Vitale 2012].

Linhardt, Moreau de Bellaing 2005]. Черный ящик открывается: структуры власти предстают теперь не в качестве причины того, что наблюдается, а в качестве результата. Вместо того чтобы замещать описание и объяснение поведения привлечением понятий-тотемов («власть», «доминирование» и т.д.), исследователь обращается к изучению *последствий власти* и диспозитивов, которые делают ее возможной[1].

Прагматическая социология ставит перед собой задачу описания и понимания того, *как именно* работают механизмы власти. Она пытается определить конкретные опоры для действия, используемые в конкретных ситуациях теми, кому удается заставить других делать определенные вещи. Она стремится проанализировать, каким образом те, кто страдает от отношений зависимости или доминирования, старается их изменить, и препятствия, с которыми они сталкиваются на этом пути. Наконец, она старается изучить социальную работу, благодаря которой власть устанавливается и актуализируется.

Как прагматическая социология анализирует социальные неравенства

С точки зрения своих методологических установок, социология испытаний стремится к поддержанию симметрии и одинакового отношения ко всем сторонам конфликта. Это не означает, что она отрицает существование феноменов асимметрии и неравенства. Она стремится подобрать средства для того, чтобы исследовать, каким образом такие отношения асимметрии и неравенства воспроизводятся, а иногда и распадаются. В этом отношении обнаруживается явное отличие по сравнению с критической социологией господства, для которой неравенства являются отправной точкой для анализа и используются в качестве ресурса для объяснения действий. С точки зрения прагматической социологии, неравенства, напротив, должны рассматриваться как продукт действия [Derouet 1992; Normand 2011; Auray 2002]. Это не объяснительный ресурс, а то, что нужно объяснять. Следствия такого подхода весьма значительны:

1 Как пишет Бруно Латур: «Философии и социологии власти чаще всего превозносят господ, которых они вознамерились критиковать. То, что делают господа, они объясняют могуществом власти, тогда как эта власть действенна лишь благодаря соучастиям, сговорам, компромиссам и смешениям [...], а само понятие власти толком не объясняется. Эта “власть” подобна усыпляющему действию мака, заставляющего уснуть критиков в тот самый момент, когда бессильные князья объединяются с другими, такими же слабыми, как и они, чтобы стать сильными» [Латур 2015: 239].

с аналитической точки зрения, неравенства, возникшие в результате предыдущих испытаний, конечно, могут иметь некоторую предсказательную силу (ввиду неравномерно распределенных шансов на действие, которыми наделены акторы), но они не позволяют механически выводить коллективные действия, а, следовательно, и состояние неравенства, которое возникнет в результате нового испытания. С политической точки зрения, представляя неравенства в качестве результата коллективных действий (который никогда не бывает полностью предсказуемым), мы еще раз напоминаем себе о нашей коллективной способности добиваться большего равенства в социальных отношениях.

Это последнее замечание заставляет вспомнить о том, что симметрия и равенство — это не только принципы метода. Зачастую это то, чего требуют сами акторы. В «Критике и обосновании справедливости» Л. Болтански и Л. Тевено [2013] попытались сделать объектом исследования идеал равенства в той форме, в которой он задействуется в социальных практиках. Правда, их подход зачастую интерпретировался неверно. Некоторые читатели принимают описание идеала равенства у акторов за утверждение, что отношения между этими акторами носят эгалитарный характер. Другие вменяют авторам и подвергают критике утверждение, согласно которому, для того чтобы претендовать на успех, меры властей всегда должны быть уравнительными. Аргумент авторов состоял в ином. Конечно, абсолютно верно, что аксиоматика «градов», которую они описывают, основывается на принципах равенства, среди которых то, что они называют «общность человеческой природы» (основополагающее равенство между членами), и «общее достоинство» (равное право претендовать на высший статус). «Грады» тем не менее не описывают мир таким, какой он есть. Как раз наоборот, ведь посредством этих концептов авторы пытались обозначить идеальные конструкции, которые акторы используют в качестве внешней опоры для критики текущего положения дел и настоящих социальных отношений. Именно потому, что социальный мир не эгалитарен, «грады» играют важную роль в коллективном действии. Тот факт, что публичное действие может в действительности быть неэгалитарным, не ставит под сомнение модель «градов». Эта модель позволяет предсказать лишь то, что в нашем обществе, чем меньше публичное действие удовлетворяет принципам «общности человеческой природы», тем больше будет оснований для его критики. Заметим, это не означает, что такое действие обязательно будет подвергнуто единодушной критике: неэгалитарные механизмы могут ограничивать как видимость его неэгалитарного характера, так и возможности для публичного выражения его критики.

Принятие всерьез аргументационных ограничений и требований доказательств, которые довлеют над коллективным действием в наиболее публичных ситуациях, заставляет переключить внимание исследователей на вопрос социотехнических диспозитивов, которые ограничивают или, наоборот, делают возможным вынесение на обсуждение некоторых политических предложений, инициатив или действий и вместе с этим наблюдаемость их последствий [Callon, Lascoumes, Barthe 2001; Linhardt 2001; Stavo-Debauge 2011; Cardon 2013; Benvegnu 2011]. В этом отношении программа социологии испытаний состоит не в том, чтобы выводить неспособность к критике у тех, кто, как кажется, не протестует против несправедливости или неравенства, а в том, чтобы исследовать недостаток материальных и организационных опор для действия, которые позволили бы им делать более явным неэгалитарный характер некоторых отношений и некоторых политических решений. Здесь мы ступаем на территорию социологии мобилизаций, которая изучает факторы, влияющие на видимость проблемных ситуаций и неравенств, а также на возможности их публичного обсуждения [Barbot 2002; Gramaglia 2008; Lemieux 2008; Jobin 2010; Barthe 2010].

Как прагматической социологии удается избегать релятивизма

В отношении любого социологического течения и любого подхода в области социальных наук может быть поставлен вопрос о релятивизме. Какое направление в социальных науках не сталкивалось с обвинением в релятивизме? Распространенной проверкой, которой подвергают социологию испытаний, когда хотят определить ее отношение к релятивизму, является вопрос о том, как эта социология повела бы себя, столкнувшись с объектом, который вызывает у большинства из нас резкое моральное осуждение (тема нацизма возникает в этом контексте чаще всего, но мы можем также привести в качестве примера террористов Аль-Каида, организаторов геноцида в Руанде, пытки военнослужащих во время войны в Алжире, обрезание маленьких девочек и т.д.). При работе с объектами такого рода подход социолога-прагматика состоит в том, чтобы «следовать за акторами», кем бы они ни были, — нацистами, террористами или палачами — и придерживаться принципа симметрии. Такой социолог постарался бы изучить, что делают акторы (нацисты, террористы, палачи и т.д.) и что делают те, кто их осуждает или борется против них, стараясь не выносить априорных суждений о недостатке рациональности у первых и относиться к аргументам и точкам зрения представителей обоих лагерей с одинаковым «ме-

тодологическим безразличием». Упомянем, наконец, о постулате плюрализма: в соответствии с ним социолог-прагматик должен допускать, что эти акторы (нацисты, террористы, палачи и т.д.), несмотря на складывающееся впечатление, не являются внутренне целостными, но, как и все, раздираемы внутренними противоречиями.

Такой подход, конечно, можно обвинять в релятивизме. Однако социологи-прагматики напомнят, что речь идет о *методологических принципах*, которые не запрещают иметь свои собственные оценочные суждения по поводу изучаемых явлений. И это еще не все. Следует обратить внимание на два теоретических положения прагматической социологии, которые позволяют признать этот подход антирелятивистским. Первое положение, которое стало результатом исследовательской работы, начатой Л. Болтански и Л. Тевено, связано с идеей «чувства справедливости» и принципом, в соответствии с которым некоторые аргументы, высказанные в публичной ситуации, *де факто* предоставляют больше оснований для критики, чем некоторые другие. Согласно этому положению, признается существование аргументационных ограничений и требований по предъявлению доказательства, которые усиливаются по мере возрастания степени публичности ситуации и благодаря которым разные действия могут получать разную оценку. Иначе говоря, не все виды поведения одинаково приемлемы, некоторые из них должны быть единодушно признаны возмутительными, унижающими достоинство или недопустимыми. Здесь важно «следовать за акторами» до конца, особенно в те моменты, когда они сами занимают решительно антирелятивистскую позицию и принимаются оценивать и иерархизировать поведение. Такие моменты моральной рефлексивности подчиняются общим правилам и относятся к общим (более или менее) ожиданиям: благодаря этому выносимые суждения не становятся полностью субъективными или произвольными. Заметим попутно, что те, кто обвиняет модель «Критики и обоснования справедливости» в релятивизме [Pharo 2004], возможно, слишком сосредоточены на постулате плюрализма, согласно которому «грады» не могут быть иерархизированы по отношению друг к другу. При этом они забывают, что, несмотря на свои различия, все «грады» подчиняются общей эгалитаристской аксиоматике, что отражено в вышеупомянутых принципах «общности человеческой природы» и «общего достоинства»[1].

1 Именно такая анти-релятивистская позиция, например, позволила Л. Болтански и Л. Тевено охарактеризовать евгенику как нелегитимную ценность [Болтански, Тевено 2013: 136].

Второе препятствие для релятивизма тесно связано с понятием испытания в том виде, в котором оно было разработано антропологией науки и техники. Оно заключается в том, что мир сопротивляется людям и их практическим попыткам определения реальности. Вот почему, например, победа пастеровской теории над теорией «самозарождения», защищаемой его противником Пуше, не является случайной. Пастер успешно проходит испытания (например, производимая им стерилизация оказывается эффективной), а Пуше — нет[1]. С этой точки зрения не все определения реальности равны между собой. Они имеют неравную ценность, которая, однако, не должна реифицироваться или предвосхищаться исследователем изначально, вместо этого она должна пониматься как результат испытаний, оставаясь, следовательно, уязвимой для следующих испытаний. Иными словами, существуют реальности, которые оказываются более «реальными», чем другие, в том смысле, что они более устойчивы к испытаниям, которым они подвергаются. Так, например, если бы прагматическая социология попыталась предложить симметричный анализ галилеевского спора между гео- и гелиоцентризмом, есть все основания полагать, что в результате она продемонстрировала бы, что диспозитив доказательств сторонников геоцентризма не смог (фактически, а не по праву) преодолеть испытания реальностью, которым он подвергался систематически с XVI века.

Идеи о разной степени приемлемости (которая может граничить с нелегитимностью) высказываемых на публике аргументов и о существовании *испытаний* реальностью позволяют определить нормативную ориентацию прагматической социологии. Эта социология подчеркивает важность испытаний для коллективного производства правды. В этих испытаниях проходят проверку, т.е. подтверждаются или опровергаются, все, даже самые устоявшиеся истины. Она также подчеркивает важность расширения публичных пространств для коллективного производства справедливости, в которых каждый мог бы проверить в дискуссии выдвигаемые им аргументы на соответствие идеалам равенства. Таким образом, посредством самого способа проведения социологического исследования (следование за акторами, принцип симметрии и т.д.) социолог-прагматик приветствует выражение критики и вынесение устоявшихся истин на коллективную проверку.

1 См.: [Latour 1989]. В подобной перспективе: [Lagrange 1990; Rémy 1993].

Как прагматическая социология критикует социальный мир

Социология испытаний не лишена критического взгляда на социальный мир, но опирается при этом на совершенно иное понимание роли социологии, социальной критики и их отношений по сравнению с так называемой «критической» социологией [Barthe, Lemieux 2002; Trom 2012; Dodier 2012]. Более того, именно недостатки и заблуждения последней стали отправной точкой для формирования прагматической социологией нового подхода к критике в социологии.

В чем состоят эти недостатки и заблуждения? Часто полагают, что социология испытаний не согласна с так называемой критической социологией по поводу содержания критики социального мира, которую формулирует последняя, или даже по поводу резкости и ярости, с которыми эта критика излагается. Такая форма интерпретации противопоставления двух социологий удобна тем, что позволяет расположить их на политической оси, так что одна будет представлять радикальный полюс, а другая — компромиссный. Однако важно подчеркнуть, что прагматическая социология в первую очередь упрекает так называемую критическую социологию не столько за ее политическую радикальность, сколько за недостаток радикальности социологической. Так называемая критическая социология неспособна предложить аналитическую точку зрения, которая позволила бы социологу выработать критику, *отличную* от критики акторов, которых он изучает. Иначе говоря, она не в состоянии произвести добавочную стоимость по отношению к критической работе самих акторов.

Причина, по которой критическая социология утратила свою социологическую радикальность и соответственно критическую оригинальность, состоит, вероятно, в том, что мы живем в обществах, которые становятся все более «социологизированными» (если использовать выражение Энтони Гидденса) и все более критичными, что подтверждается стремительной банализацией языка интересов, стратегий, символического доминирования или неравенства. В результате ощущение откровения, которое когда-то придавало критической социологии видное место в осуществлении социальной критики, сильно притупилось[1].

1 Этот вывод перекликается с тем, что некоторые прагматические социологи, занимающиеся изучением критических способностей во Франции в середине 1990-х годов, определили как «кризис критики» [Cardon, Heurtin 1999; Болтански, Кьяпелло 2011; Parasie 2008]. Этим термином они стремились показать, что политический радикализм, который не является эмпириче-

Социология испытаний предлагает приложить дополнительное аналитическое и рефлексивное усилие для того, чтобы довести социологический анализ до уровня, на котором он снова сможет сказать что-то иное, чем то, что говорят некоторые акторы.

Это усилие можно разбить на три этапа.

1. Оно начинается с исследования, стремящегося к максимально полному описанию того, что говорят и делают акторы, с целью выявления их критических способностей и изучения того, каким образом они используются в конкретной ситуации. В этой исследовательской работе важно следовать за всеми «лагерями» или по крайней мере не приписывать заранее одному из них способности, которых не было бы у другого (принцип симметрии). Кроме того, важно описывать материальные опоры для действия, которые используют акторы для публичного оправдания или для доказательства того, что они говорят (принцип рациональности).
2. Усилие продолжается анализом того, каким образом эти способности побуждаются или сдерживаются посредством диспозитивов, в рамках которых акторы действуют или которые они сталкивают друг с другом. Какие типы испытаний позволяют эти диспозитивы? Какие не позволяют? Какие противоречия проявляются? Исследование должно выявить возможные асимметрии в распределении компетенций между участниками и в их возможности располагать некоторыми материальными и организационными опорами для действия, суждения и доказательства.
3. Усилие завершается (или *может* завершиться) обнаружением таких аспектов изучаемого диспозитива, изменение которых могло бы уменьшить шансы акторов недооценить некоторые противоречия или избежать некоторых испытаний, и/или расширить возможности для выражения их критических способностей или доступ к некоторым материальным и организационным опорам для действия[1].

ски обоснованным, обречен на критическое бессилие и все более и более отдаляется от собственно социологической проверки [Trom 2008]. В этом отношении задача прагматической социологии может пониматься как стремление найти для критики точку опоры в социальном мире.

1 См. заключения к [Callon, Lascoumes, Barthe 2001; Болтански, Кьяпелло 2011; Latour 1999; Lemieux 2000] или статью Жоана Ставо-Дебож «Les vices d'une inconséquence conduisant à l'impuissance de la politique française de lutte contre les discriminations», опубликованную двумя частями [Stavo-Debauge 2003; Stavo-Debauge 2004].

Эти три этапа, разделенные нами исключительно для удобства представления, приводят к тройному переопределению критического вклада социологии.

1. *Критика интеллектуального центризма и чрезмерных притязаний на интеллектуальную власть.* Необходимо продемонстрировать прежде всего критическую работу, которая постоянно ведется самими акторами посредством описания ее операций и «понимания» ее в социологическом смысле слова (не критикуя ее сразу как неправильную, необоснованную, поверхностную и т.д.). Такой подход позволяет поставить под сомнение необоснованные претензии некоторых социологов (и шире некоторых интеллектуалов) на монополию на легитимную критику социального мира.
2. *Критика консерватизма и отказа от публичной дискуссии.* Речь идет о том, чтобы показать, каким образом критическая работа акторов всегда оказывается ограничена из-за того, что материальные и организационные диспозитивы, в рамках которых они действуют или посредством которых они противостоят друг другу, не позволяют им полностью раскрыть свои критические способности или полностью вскрыть определенные противоречия; и/или получить доступ к определенным опорам для суждений или действий или средствам их производства. Такой подход предоставляет социологу возможность заявить о своем несогласии с теми акторами, кто утверждает, что в отношении объекта, который их интересует, вся критика уже высказана; что она бесполезна (или теперь уже бесполезна); и/или что те, кто продолжает хотеть критиковать, не имеют на это веских причин (что они «иррациональны», не «поняли» предоставленные им гарантии и т.д.). Одним словом, социолог приветствует выражение критики и вынесение устоявшихся истин на коллективную проверку.
3. *Критика отказа социологии брать на себя ответственность за практические последствия ее деятельности.* Речь идет о том, чтобы в результате анализа объекта предложить изменения в материальном и организационном окружении акторов так, чтобы диспозитивы более эффективно помогали акторам самим выражать критику и выявлять противоречия, с которыми они сталкиваются в практической деятельности[1].

1 Политический эффект социологии выражается в расширении возможностей субъектов и самоочищении критических процессов, в которые они вовлечены. Для того чтобы стимулировать подобный эффект, следует отдать

Это тройное переопределение критического вклада социологии демонстрирует, что настоящая политическая радикальность требует в первую очередь радикальности социологической, а не наоборот.

Удалось ли нам в конце этого пути лучше понять, в чем состоит специфика прагматического стиля в социологии? По крайней мере мы можем надеяться, что развеяли некоторые заблуждения. При более внимательном рассмотрении социология испытаний оказывается и банальной, и оригинальной одновременно. Банальной, потому что многие из ее постулатов, методов исследования и устремлений проистекают из классической социологической традиции (в основном американской, но также и континентально-европейской, в лице дюркгеймианства и веберианства в первую очередь).

Оригинальность прагматической социологии связана с тем, что она появилась во французском контексте как вызов доминирующей социологической доксе, для которой само собой разумеется, что микроуровень противопоставлен макроуровню, интересы объясняют действия, поведение может выводиться из предрасположенностей, а реальность есть не что иное как социальный конструкт. Социология испытаний несет в себе революционный проект, который часто воспринимают с недоверием и настороженностью и сразу относят к лагерю традиционных и легко опознаваемых противников, таких как методологический индивидуализм, идеализм, антирационализм или релятивизм, которым, как мы показали выше, она также противостоит.

Данная социология становится прежде всего *критикой консерватизма и отказа от публичной дискуссии*. Она намерена вести эту борьбу в пространстве профессиональной социологии, борясь с преобладающими там формами догматизма и почти неизбежно развивающимися процессами рутинизации мышления, которые потенциально угрожают и ей самой.

Прагматическая социология, или «социология испытаний», принимает свою незавершенность, потому что она всегда «в процессе становления». Она старается в полной мере осознать существование социальных закономерностей, не прибегая при этом к механизации действия. Она стремится объяснить влияние институированного (institué) на практики без того, чтобы недооценивать силу институирующего (instituant), которую неизбежно несут эти практики. Она признает критические амбиции социальных наук,

---

предпочтение *внутренней критике*, основанной на собственных моральных чувствах субъектов, а не навязывать им незнакомые им нормативные идеалы, как это бывает в случае внешней критики [Lemieux 2000].

не считая, что подтверждение этих амбиций начинается с обесценивания критических способностей акторов.

Если бы нам пришлось ответить на вопрос, где начинается эта социология (так как мы не можем сказать, где она заканчивается), то, возможно, было бы целесообразно указать на двойное изменение перспективы, с помощью которого она стремится оживить социологический проект.

Во-первых, она отказывается видеть в действии или в социальной деятельности «неизбежный продукт детерминизма или рациональности»[1], чтобы увидеть в них практическое достижение социальных обязательств или общественно-разделяемых ожиданий. Во-вторых, перестав воспринимать классические понятия, такие как власть, интерес или доминирование, в качестве объяснительных ресурсов, она представляет их прежде всего в качестве наблюдаемых и, следовательно, описываемых ситуаций и практик, в которые вовлечен каждый из нас.

Библиография / References

Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011). *Новый дух капитализма*, М.: Новое литературное обозрение.

— Boltanski L., Chiapello E. (2011) *The New Spirit of Capitalism*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. — in Russ.

Болтански Л., Тевено Л. (2013). *Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов*, М.: Новое литературное обозрение.

— Boltanski L., Thevenot L. (2013) *Critique and justification: Outlines of a sociology of cities*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. — in Russ.

Бычкова О., Гладарев Б., Хархордин О., Цинман Ж. (2019). *Фантастические миры российского хай-тека*, СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Bychkova O., Gladarev B., Kharkhordine O., Tsinman J. (2019) *Fantastic worlds of Russian high-tech*, Saint-Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v S.-Peterburge. — in Russ.

Гладарев. Б. (2011). Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. Хархордин О.В. (ред.) *От общественного к публичному*, СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, С. 69-304.

— Gladarev B. (2011) Historical and cultural legacy of Saint-Petersburg: The birth of the community from the spirit of the city. Kharkhordine O. (eds) *From common*

1 Мы присоединяемся здесь к определению «новой социологии действия», которое дали Альбер Ожиян и Луи Кере [Ogien, Quéré 2005: 3].

to public, Saint-Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v S.-Peterburge: 69-304. — in Russ.

Каллон М. (2015). Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Брие, *Социология власти*, (1): 196-231.

— Callon M. (2015) Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St. Brieuc Bay, *Sociology of power*, (1): 196-231. — in Russ.

Латур Б. (2006) *Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии*, СПб: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге.

— Latour B. (2006) *We have never been modern*, Saint-Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v S.-Peterburge. — in Russ.

Латур Б. (2013) *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества*, СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.

— Latour B. (2013) *Science in action: How to follow scientists and engineers through society*, Saint-Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v S.-Peterburge. — in Russ.

Латур Б. (2014) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию* / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

— Latour B. (2014) *Reassembling the social: An introduction to actor-network theory*, Moscow: Izd. Dom Vyschey shkoly ekonomiki. — in Russ.

Латур Б. (2015). Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / Пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Latour B. (2015) *Pasteur. War and Piece of microbes*, Saint-Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v S.-Peterburge. — in Russ.

Akrich M., Callon M., Latour B. (1988) À quoi tient le succès des innovations? 1. L'art de l'intéressement. *Gérer et Comprendre. Annales des Mines*, 11: 4-17.

Auray N. (2002) Sociabilité informatique et différence sexuelle. Chabaud-Rychter D., Gardey D. (eds) *L'engendrement des choses. Des hommes, des femmes et des techniques*, Paris: Éditions des archives contemporaines: 123-148.

Barbot J. (2002) *Les malades en mouvements. La médecine et la science à l'épreuve du sida*, Paris: Balland.

Barbot J., Dodier N. (2009) Itinéraires de réparation et formation d'un espace de victimes autour d'un drame médical. Cultiaux J., Périlleux T. (eds) *Destins politiques de la souffrance. Intervention sociale, justice, travail*, Toulouse: Érès: 99-117.

Barthe Y. (2006) *Le pouvoir d'indécision. La mise en politique des déchets nucléaires*, Paris: Economica.

Barthe Y. (2010) Cause politique et "politique des causes". La mobilisation des vétérans des essais nucléaires français. *Politix*, (91): 77-102.

Barthe Y., Lemieux C. (2002) Quelle critique après Bourdieu? *Mouvements*, (24): 33-38.

Benvegnu N. (2011) *La politique des netroots. La politique à l'épreuve des outils informatiques de débat public*. Thèse pour le doctorat de sociologie, Paris: Mines ParisTech.

Bessy C., Chateauraynaud F. (1995) *Experts et faussaires. Pour une sociologie de la perception*, Paris: Métailié.

Bidet A. (2008) La genèse des valeurs : une affaire d'enquête. *Tracés*, (15): 217-228.

Blic D., Lemieux C. (eds) (2005) À l'épreuve du scandale. *Politix*, (71).

Boltanski L. (1982) *Les cadres. La formation d'un groupe social*, Paris: Minuit.

Boltanski L. (1984) La dénonciation. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 51: 3-40.

Boltanski L. (1990) *L'amour et la justice comme compétences. Trois essais de sociologie de l'action*, Paris: Métailié.

Boltanski L. (1993) *La souffrance à distance. Morale humanitaire, médias et politique*, Paris: Métailié.

Boltanski L. (2004) *La condition fœtale. Une sociologie de l'engendrement et de l'avortement*, Paris: Gallimard.

Boltanski L., Claverie É., Offenstadt N., Van Damme S. (eds) (2007) *Affaires, scandales et grandes causes. De Socrate à Pinochet*, Paris: Stock.

Boltanski L., Godet M.-N. (1995) Messages d'amour sur le Téléphone du dimanche. *Politix*, (31): 30-76.

Boltanski L., Thévenot L. (eds) (1989) Justesse et justice dans le travail. *Cahiers du CEE*, 33.

Bourdieu E. (1998) *Savoir-faire. Contribution à une théorie dispositionnelle de l'action*, Paris, Seuil.

Boureau A. (1991) La croyance comme compétence. *Critique*, (529-530).

Breviglieri M. (1999) *L'usage et l'habiter. Contribution à une sociologie de la proximité*, Thèse pour le doctorat de sociologie, Paris: École des hautes études en sciences sociales.

Breviglieri M. (2009) L'insupportable. L'excès de proximité, l'atteinte à l'autonomie et le sentiment de violation du privé. Brévigliéri M., Lafaye C., Trom D. (eds) *Compétences critiques et sens de la justice*, Paris: Economica: 125-149.

Breviglieri M., Cichelli V. (eds) (2007) *Adolescences méditerranéennes. L'espace public à petits pas*, Paris: L'Harmattan.

Bréviglieri M., Stavo-Debauge J. (1999) Le geste pragmatique de la sociologie française. *Antropolitica*, 7: 7-22.

Breviglieri M., Trom D. (2003) Troubles et tensions en milieu urbain. Les épreuves citadines et habitantes de la ville. Cefaï D., Pasquier D. (eds) *Les sens du public*, Paris: Presses universitaires de France: 399-417.

Callon M. (eds) (1998) *The Laws of the Markets*, Oxford; Malden (MA): Blackwell.

Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. (2001) *Agir dans un monde incertain. Essai sur la démocratie technique*, Paris: Seuil.

Callon M., Latour B. (2006) Le grand Léviathan s'apprivoise-t-il ? Akrich M., Callon M., Latour B. (eds) *Sociologie de la traduction. Textes fondateurs*, Paris: Presses des Mines: 11-32.

Callon M., Latour B. (eds) (1990) *La science telle qu'elle se fait. Anthologie de la sociologie des sciences de langue anglaise*, Paris: La Découverte.

Callon M., Law J. (1982) On Interest and Their Transformation: Enrolment and Counter-Enrolment. *Social Studies of Science*, 12 (4): 615-625.

Callon M., Millo Y., Muniesa F. (eds) (2007) *Market Devices*, Oxford; Malden (MA): Blackwell

Callon M., Rabeharisoa V. (1999) La leçon d'humanité de Gino. *Réseaux*, 95: 197-233.

Cantelli F., Genard J.-L. (2008) Êtres capables et compétents : lecture anthropologique et pistes pragmatiques. *SociologieS* (https://journals.openedition.org/sociologies/1943)

Cantelli F., Pattaroni L., Roca M., Stavo-Debauge J. (eds) (2009) *Sensibilités pragmatiques. Enquêter sur l'action publique*, Bern: Peter Lang

Cardon D. (2013) Dans l'esprit du PageRank. Une enquête sur l'algorithme de Google. Réseaux, 117: 63-95.

Cardon D., Heurtin J.-Ph. (1999) La critique en régime d'impuissance. François B., Neveu É. (eds) *Espaces publics mosaïques*, Rennes: Presses universitaires de Rennes: 85-119.

Cardon D., Heurtin J.-Ph., Martin O., Pharabod A.-S., Rozier S. (1999) Les formats de la générosité. Trois explorations du Téléthon. *Réseaux*, 17 (95): 15-105.

Cefaï D., Gardella E. (2011) *L'urgence sociale en action. Ethnologie du Samu social de Paris*, Paris: La Découverte.

Cefaï D., Terzi C. (eds) (2012) *L'expérience des problèmes publics*, Paris: Éditions de l'EHESS.

Cerrutti S. (1991) Pragmatique et histoire. Ce dont les sociologues sont capables. *Annales*, 46 (6): 1437-1445.

Charvolin F. (2004) *L'invention de l'environnement en France. Chronique anthropologique d'une institutionnalisation*, Paris: La Découverte.

Chateauraynaud F. (1991) *La faute professionnelle. Une sociologie des conflits de responsabilité,* Paris: Métailié.

Chateauraynaud F. (1999) *Les relations d'emprise.* Document de travail. GSPR-EHESS.

Chauviré C., Ogien A. (eds) (2002) *La régularité. Habitude, disposition et savoir-faire dans l'explication de l'action,* Paris: Éditions de l'EHESS.

Chiapello È. (1998) *Artistes versus managers. Le management culturel face à la critique artiste*, Paris: Métailié.

Claverie É. (2003) *Les guerres de la Vierge. Une anthropologie des apparitions,* Paris: Gallimard.

Colin Lebedev A. (2013) *Le cœur politique des mères. Analyse du mouvement des mères de soldats en Russie,* Paris : Editions de l'EHESS.

Conein B. (1990) Cognition située et coordination de l'action. La cuisine dans tous ses états. *Réseaux*, 43: 99-110.

Conein B., Dodier N., Thévenot L. (eds) (1993) *Les objets dans l'action. De la maison au laboratoire*, Paris: Éditions de l'EHESS.

Corcuff P., Sanier M. (2000) Politique publique et action stratégique en contexte de décentralisation. Aperçus d'un processus décisionnel "après la bataille". Annales, 55 (4): 845-869.

Datchary C. (2011) *La dispersion au travail,* Toulouse: Octarès.

De Blic D. (2000) Le scandale financier du siècle, ça ne vous intéresse pas? Difficiles mobilisations autour du Crédit Lyonnais. *Politix*, 52: 157-181.

De Blic D. (2005). Moraliser l'argent. Ce que Panama a changé dans la société française (1889-1897). *Politix*, 71: 61-82.

Debourdeau A. (2011). De la solution au problème. La problématisation de l'obligation d'achat de l'énergie solaire photovoltaïque en France et en Allemagne. *Politix*, 95: 103-127.

Derouet J.-L. (1992) *École et justice. De l'égalité des chances aux compromis locaux?* Paris: Métailié.

Descola P. (1994). Pourquoi les Indiens d'Amazonie n'ont-ils pas domestiqué le pécari ? Latour B., Lemonier P. (eds) *De la préhistoire aux missiles balistiques*, Paris: La Découverte: 329-344.

Desrosières A., Thévenot L. (2002) *Les catégories socioprofessionnelles,* Paris: La Découverte.

Didier E. (2009). *En quoi consiste l'Amérique? Les statistiques, le New Deal et la démocratie*, Paris: La Découverte.

Dodier N. (1993) *L'expertise médicale. Essai de sociologie sur l'exercice du jugement,* Paris: Métailié.

Dodier N. (1993) Les appuis conventionnels de l'action. Éléments de pragmatique sociologique. *Réseaux*, 62: 63-85.

Dodier N. (1995). *Les hommes et les machines. La conscience collective dans les sociétés technicisées*. Paris: Métailié.

Dodier N. (2003). *Leçons politiques de l'épidémie de sida*. Paris: Éditions de l'EHESS.

Dodier N. (2005). L'espace et le mouvement du sens critique. *Annales,* 60(1): 7-31.

Dodier N. (2007). Les mutations politiques du monde médical. L'objectivité des spécialistes et l'autonomie des patients. Tournay V. (ed). *La gouvernance des innovations médicales*. Paris: Presses universitaires de France: 127-154.

Dodier N. (2012). Ordre, force, pluralité. Articuler description et critique autour des questions médicales. Haag P., Lemieux C. (ed.). *Faire des sciences sociales*, t. 1 : Critiquer. Paris: Éditions de l'EHESS: 317-342.

Dodier N., Baszanger I. (1997). Totalisation et altérité dans l'enquête ethnographique. *Revue française de sociologie*, 38(1): 37-66.

Doidy E. (2005). (Ne pas) juger scandaleux. Les électeurs de Levallois-Perret face au comportement de leur maire. *Politix*, 71: 165-189.

Dufaud G. (2014). Politiser la médecine. La psychiatrie extrahospitalière en Russie soviétique (années 1920 et début des années 1930. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 61(3): 124-148.

Elster J. (ed.). *The Multiple Self*. New York: Cambridge University Press.

Eymard-Duvernay F., Marchal E. (1996). *Façons de recruter. Le jugement des compétences sur le marché du travail*. Paris: Métailié.

Fillion E. (2009). À l'épreuve du sang contaminé. Pour une sociologie des affaires médicales. Paris: Éditions de l'EHESS.

Garnier P. (1995). *Ce dont les enfants sont capables*. Paris: Métailié.

Gramaglia C. (2008). Des poissons aux masses d'eau. Les usages militants du droit pour faire parler des êtres qui ne parlent pas. *Politix,* 83 : 133-153.

Hartog F. (2002). *Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps*. Paris: Seuil.

Hartog F., Revel J. (ed.). (2001). *Les usages politiques du passé*. Paris: Éditions de l'EHESS.

Hennion A. (1988). *Comment la musique vient aux enfants. Une anthropologie de l'enseignement musical*. Paris: Economica.

Hennion A. (2010). Music Lovers: Taste as Performance. *Theory, Culture, Society,* 18(5): 1-22.

Hermant E., Latour B. (1998). *Paris, ville invisible*. Paris: Les Empêcheurs de penser en rond — La Découverte

Heurtin J.-Ph. (1999). *L'espace public parlementaire. Essai sur les raisons du législateur*. Paris: Presses universitaires de France.

Heurtin J.-Ph., Trom D. (ed.) (1997) Se référer au passé. *Politix*, 39.

Jobin P. (2010). Les cobayes portent plainte. Usages de l'épidémiologie dans deux affaires de maladies industrielles à Taïwan. *Politix*, 91: 53-75.

Kaufmann L., Trom D. (ed.). (2010). *Qu'est-ce qu'un collectif ? Du commun à la politique*. Paris: Éditions de l'EHESS.

Koveneva O. (2011). Les communautés politiques en France et en Russie. Regards croisés sur quelques modalités du "vivre ensemble". *Annales*, 66(3): 785-817.

Lagneau É. (2009). Ce que Ségolène Royal n'a pas assez vu. L'AFP entre réalismes politique et économique. *Réseaux*, 157-158 : 13-59.

Lagneau É. (2010). Une fausse information en quête d'auteur. Conflits d'imputation autour d'une annulation de dépêches AFP. Lemieux C. (ed.). *La subjectivité journalistique. Onze leçons sur le rôle de l'individualité dans la production de l'information*. Paris: Éditions de l'EHESS : 47-63.

Lagrange P. (1990). Enquête sur les soucoupes volantes. La construction d'un fait aux États-Unis (1947) et en France (1951-54). *Terrain*, 14: 92-112.

Lamont M., Thévenot L. (ed.). (2000). *Rethinking Comparative Cultural Sociology: Repertoires of Evaluation in France and the United States*. Cambridge: Cambridge University Press.

Latour B. (1989). Pasteur et Pouchet : hétérogenèse de l'histoire des sciences. Serres M. (ed.). *Éléments d'histoire des sciences*. Paris: Bordas.

Latour B. (1999). *Politiques de la nature*. Paris: La Découverte.

Latour B. (2002). *La fabrique du droit. Une ethnographie du Conseil d'État*. Paris: La Découverte.

Latour B. (2007). *L'espoir de Pandore. Pour une version réaliste de l'activité scientifique*. Paris: La Découverte.

Latour B., Woolgar S. (1988). *La vie de laboratoire. La production des faits scientifiques*. Paris: La Découverte.

Lemieux C. (2000). *Mauvaise presse. Une sociologie compréhensive du travail journalistique et de ses critiques*. Paris: Métailié.

Lemieux C. (2007). De la théorie de l'habitus à la sociologie des épreuves : relire L'expérience concentrationnaire. Israël L., Voldman D. (ed.). Michaël Pollak. *De l'identité blessée à une sociologie des possibles*. Paris: Complexe.

Lemieux C. (2008). Rendre visibles les dangers du nucléaire. Une contribution à la sociologie de la mobilisation. Lahire B., Rosental C. (ed.). *La cognition au prisme des sciences sociales*. Paris: Éditions des archives contemporaines.

Lemieux C. (2009). *Le devoir et la grâce. Pour une analyse grammaticale de l'action*. Paris: Economica.

Lemieux C. (2009). Du pluralisme des régimes d'action à la question de l'inconscient : déplacements. Brévigliéri M., Lafaye C., Trom D. (ed.). *Compétences critiques et sens de la justice*. Paris: Economica: 69-80.

Lemieux C. (2010). Albert Londres. Le journalisme à contre-cœur. Lemieux C. (ed.). *La subjectivité journalistique. Onze leçons sur le rôle de l'individualité dans la production de l'information*. Paris: Éditions de l'EHESS: 225-242.

Lemieux C. (2010). Existe-t-il quelque chose comme une profession journalistique? Lemieux C. (ed.). *La subjectivité journalistique. Onze leçons sur le rôle de l'individualité dans la production de l'information*. Paris: Éditions de l'EHESS.

Lemieux C. (2011). Jugements en action, actions en jugement. Ce que la sociologie des épreuves peut apporter à l'étude de la cognition. Clément F., Kaufmann L. (ed.). *La sociologie cognitive*. Paris: Orphys-Éditions de la Maison des sciences de l'homme: 249-274.

Lemieux C. (2018). *La sociologie pragmatique*, Paris : La Découverte.

Lemoine B. (2011). *Les valeurs de la dette. L'État à l'épreuve de la dette publique. Thèse pour le doctorat de science politique*. Paris: Mines ParisTech.

Lepetit B. (ed.). (1995). *Les formes de l'expérience. Une autre histoire sociale*. Paris: Albin Michel.

Linhardt D. (2001). L'économie du soupçon. Une contribution pragmatique à la sociologie de la menace. *Genèses*, 44: 76-98.

Linhardt D. (2004). *La force de l'État en démocratie. La République fédérale d'Allemagne à l'épreuve de la guérilla urbaine. Thèse pour le doctorat de sociologie*. Paris: École nationale supérieure des Mines de Paris.

Linhardt D. (2009). L'État et ses épreuves. Éléments d'une sociologie des agencements étatiques. *Clio@Thémis*, 1. URL: http://www.cliothemis.com/L-Etat-et-ses-epreuves (дата доступа: 02.04.2019).

Linhardt D., Moreau de Bellaing C. (2005). Légitime violence ? Enquêtes sur la réalité de l'État démocratique. *Revue française de science politique*, 55(2): 269-298.

Linhardt D., Muniesa F. (2011). Du ministère à l'agence. Étude d'un processus d'altération politique. *Politix*, 95: 73-102.

Linhardt D., Vitale T. (ed.). (2012). Épreuves d'État. *Quaderni*, 78.

Mead G. (2006) *L'esprit, le soi et la société*. Paris: Presses universitaires de France.

Moreau de Bellaing C. (2009). Comment la violence vient aux policiers. École de police et enseignement de la violence légitime. *Genèses*, 75: 24-44.

Moreau de Bellaing C. (2012). L'État, une affaire de police? *Quaderni,* 78: 85-104.

Nachi M. (2006). *Introduction à la sociologie pragmatique*. Paris: Armand Colin

Normand R. (2010). Expertise, Networks and Tools of Government: The Fabrication of European Policy in Education. *European Educational Research Journal*, 9(3): 407–421.

Normand R. (2011). *Gouverner la réussite scolaire. Une arithmétique politique des inégalités*. Berne: Peter Lang.

Normand R. (2011). La profession enseignante à l'épreuve du Nouveau Management Public. La réforme anglaise de la Troisième Voie. *Sociologie du travail,* 53(3): 293-348.

Offenstadt N., Van Damme S. (2009). Les pratiques historiennes au risque de la sociologie pragmatique. Brévigliéri M., Lafaye C., Trom D. (ed.). *Compétences critiques et sens de la justice*. Paris: Economica: 261-274.

Ogien A., Quéré L. (2005). *Le vocabulaire de la sociologie de l'action*. Paris: Ellipses.

Parasie S. (2008). Une critique désarmée. Le tournant publicitaire dans la France des années 1980. *Réseaux*, 150: 219-245.

Périlleux T. (2001). *Les tensions de la flexibilité. L'épreuve du travail contemporain*. Paris: Desclée de Brouwer.

Pharo P. (2004). *Morale et sociologie*. Paris: Gallimard.

Piette A. (1992). *Le mode mineur de la réalité*. Louvain-la-Neuve: Peeters.

Pollak M. (1990). *L'expérience concentrationnaire. Essai sur le maintien de l'identité sociale*. Paris: Métailié.

Rémy C. (2003). Activité sociale et latéralisation. *Recherches sociologiques,* 34(3): 95-114.

Rémy C. (2005). Quand la norme implicite est le moteur de l'action. *Déviance et Société*, 29(2): 103-112.

Rémy C. (2009). *La fin des bêtes. Une ethnographie de la mise à mort des animaux*. Paris: Economica.

Rémy É. (1993). Comment saisir la rumeur? *Ethnologie française,* 23(4): 591-602.

Richard-Ferroudji A. (2011). Limites du modèle délibératif : composer avec différents formats de participation. *Politix*, 96: 161-181.

Sourp M.-L. (2010), «Une question de personnalité. L'accès à l'information chez un "rubricard" de Libération. Lemieux C. (ed.). *La subjectivité journalistique. Onze leçons sur le rôle de l'individualité dans la production de l'information*. Paris: Éditions de l'EHESS: 85-101.

Stavo-Debauge J. (2003). Les vices d'une inconséquence conduisant à l'impuissance de la politique française de lutte contre les discriminations. 1ère Partie: Tu ne catégoriseras point! *Carnets de Bord*, 6: 19-37.

Stavo-Debauge J. (2004). Les vices d'une inconséquence conduisant à l'impuissance de la politique française de lutte contre les discriminations. 2ème Partie : Apprêter

un chemin au droit et confectionner des catégories pour l'action publique. *Carnets de Bord,* 7: 32-54.

Stavo-Debauge J. (2011). En quête d'une introuvable action antidiscriminatoire. Une sociologie de ce qui fait défaut. *Politix,* 94: 81-105.

Thévenot L. (1986). Les investissements de forme. Thévenot L. (ed.). *Conventions économiques*. Paris: Presses Universitaires de France: 21-71.

Thévenot L. (1994). Le régime de familiarité. Des choses en personne. *Genèses,* 17: 72-101.

Thévenot L. (2006). *L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement*. Paris: La Découverte.

Thévenot L. (2017). En commun, en différend. Politiques comparées dans l'apprentissage de la vie ensemble en foyer étudiant. *Receo. Revue d'études comparatives Est-Ouest*, 48(3-4): 45-93.

Thévenot L., Kareva N. (2018). Le pain merveilleux de l'hospitalité. *SociologieS*. URL: https://journals.openedition.org/sociologies/6933 (дата доступа: 17.05.2019).

Trom D. (1997). Voir le paysage, enquêter sur le temps. Narration du temps historique, engagement dans l'action et rapport visuel au monde. *Politix,* 39: 86-108.

Trom D. (1999). De la réfutation de l'effet NIMBY considérée comme une pratique militante. Notes pour une approche pragmatique de l'activité revendicative. *Revue française de science politique,* 49(1): 31-50.

Trom D. (2003). Situationnisme et historicité de l'action. Une approche par induction triangulaire. Laborier P., Trom D. (ed.). *Historicités de l'action publique*. Paris: Presses universitaires de France: 463-483.

Trom D. (2008). La crise de la critique sociale, vue de Paris et de Francfort. *Esprit*. July: 108-126.

Trom D. (2012). À propos de la "dignité" de la sociologie. *Sociologie,* 3(1). URL: http://journals.openedition.org/sociologie/1239 (дата доступа: 02.04.2019).

Trom D., Zimmerman B. (2001). Cadres et institutions des problèmes publics. Les cas du chômage et du paysage. Trom D., Cefaï D. (ed.). *Les formes de l'action collective. Mobilisations dans des arènes publiques*. Paris: Éditions de l'EHESS: 281-315.

Van Damme S. (2008). *L'épreuve libertine. Morale, soupçon et pouvoirs dans la France baroque*. Paris: CNRS Éditions.

Winance M. (2010). Mobilités en fauteuil roulant. Processus d'ajustement corporel et d'arrangements pratiques avec l'espace, physique et social. *Politix,* 90: 115-137.

Zakharova L. (2016). L'insertion des techniques étrangères de communication dans l'environnement industriel soviétique : le cas des centraux téléphoniques Ericsson à Leningrad. Hilaire-Pérez L., Zakharova L., (eds.). *Les techniques et la globalisation au XXe siècle*, Rennes: Presses universitaires de Rennes : 83-102.

Рекомендация для цитирования:

Барт Я., де Блик Д., Эртан Ж.-Ф., Ланьо Э., Лемье С., Линар Д., Моро де Белланг С., Реми К., Тром Д. (2019) Прагматическая социология: инструкция по применению. *Социология власти*, 31 (2): 176-216.

For citations:

Barthe Y., de Blic D., Heurtin J.-P., Lagneau E., Linhardt D., Moreau de Bellaing C., Lemieux C., Rémy C., Trom D. (2019). Pragmatic Sociology: A User's Guide. *Sociology of Power*, 31 (2): 176-216.

Поступил в редакцию: 21.05.2019; принят в печать: 07.06.2019

Received: 21.05.2019; Accepted for publication: 07.06.2019